

У ТРОМ здесь удивительно покойно и тихо. Лишь прилетающий с полей ветер, полный аромата хлебов и степных трав, тревожно и недовольно шумит в листве высоченных елей и дубов. А там, куда и ветер не достает, перекликуются птицы. Они поют взахлеб, перебивая друг друга, будто знают, что скоро наступит время и придется уступить место другим звукам, более прекрасным и волнующим. В парке, под могучими вековыми деревьями, все неподвижно, только солнечные зайчики мечутся на заросших дорожках, уходящих в глубь зеленой чащи. Склоненные ивы и липы темным живым сводом нависли над спокойным прудом.

Заросшие тропинки.
Заросший пруд.

И дом под широкой, словно шапкой нахлобученной, тесовой крышей, тоже зарос плющом. Кажется, господство зелени здесь хранит в себе торжественную тишину, хранит и никогда не позволит нарушить ее. Покойно и тихо.

Но вот за высокой чугунной оградой слышатся шелест автомобильных шин, ворчание моторов — и из автобусов, из морсесов, фольксвагенов, фордов высыпают люди. К воротам приближается гомон, проникает в разные уголки парка. Разноязыкая речь на дорожках, где только что играли одни солнечные зайчики. Небрежно расстегнутые пиджаки солидных «деловых людей». Яркие галстуки. Сверхмодные мини-юбки, темные очки. Крашеные рты. Словно пушки нацеленные телекамеры. Смех, возгласы, громкий заученный говорок гидов... Это приехали туристы.

Обыкновенный воскресный день.

Парк этот широко известен. Его знают не только поляки, но и миллионы людей за пределами Польши. Здесь, неподалеку от Варшавы, в небольшом имении Желязова Воля, в 1810 году родился ребенок, которому дали имя Фридерика Францишке и которому суждено было стать гордостью польского народа.

Родители мальчика — Юстина, богатая душевным теплом, музыкально одаренная женщина, и Миколай Шопен, выходец из Лотарингии, еще с юных лет нашедший в Польше вторую родину, с колыбели привили сыну любовь к музыке. В худеньком болезненном мальчике с грустными глазами рос великий музыкант и композитор. Когда ему исполнилось восемь лет, появился в печати его первый полонез. В том же году со-

Из дальних странствий возвратись...

Сердце Шопена

стоялся его первый публичный концерт, на котором юный музыкант исполнил довольно сложную программу. И уже в одиннадцать лет далеко за рубежами страны о Фридерике Шопене говорили как о «польском Моцарте». Гейне о нем сказал: «Он не только виртуоз, но и поэт звуков».

Большую часть жизни он провел за пределами родины. Но вряд ли можно назвать иного композитора, который так глубоко и ярко открыл музыкальную душу польского народа, выразил его чаяния, грусть, надежду, стремление к свободе, как Шопен. Это он, прежде чем создать свои гениальные прелюдии, вслушивался в песни польских крестьян, в незамысловатые и до слез трогательные звуки пастушеских волынок, в веселые песенки на шумных улицах Варшавы.

Шопин (так зовут его поляки) горячо любил свою Польшу, и польский народ отвечал ему стократной любовью. Он умер во Франции, но сердце его захоронено в одном из крупнейших соборов Варшавы.

Вот почему сюда, Желязову Волю, течет неиссякаемый поток почитателей великого композитора. Вот почему старый парк, в котором стоит дом Шопена, каждый день оживает от многоголосого, разноязычного людского гомона.

Особенно много народа приезжает в воскресенье, когда здесь выступают с концертами лучшие пианисты — исполнители шопеновских произведений. Обычай этот установился давно и никогда не нарушается. Даже начало концерта неизменное — ровно в полдень.

Кого только не встретишь у домука композитора! Вот седой высокий англичанин в светлом костюме, сухопарый и прямой, как отставной швейцар (а может быть, генерал), твердо шагает и осторожно ведет под руку смуглую девушку, очень

похожую на индианку. У нее густые и прямые волосы, льющиеся на спину, словно черный дождь, огромные продолговатые смоляные глаза.

Тут же молодые американцы. Они разговаривают громко, весело, будто на привычном аттракционе. Парни размеренно жуют резинку и, увидев памятник-обелиск Шопена, стрекочут кино-камерами. На локтях поддельных блондинок болтаются миниатюрные, со спичечную коробку, фотоаппараты.

Шумливых нейлоновых гостей с опаской обходят чопорные, старые поляки и осторожно спускаются по стертым кирпичной лесенке к пруду, где перекинут небольшой горбатый мостик.

Разные люди, разные языки, разные мысли и настроения.

Всюду слышится говор англичан и русских, французов и итальянцев. В парке можно встретить москвичей и сибиряков, донецких металлургов и мурманских рыбаков.

Мы, калининские туристы, приехали сюда из Варшавы, находясь еще под впечатлением того, что увидели в великолепной польской столице. Она четверть века назад перенесла величайшую в своей истории трагедию: была почти полностью разрушена гитлеровцами и теперь, словно Феникс из пепла, встала еще более прекрасной и жизнерадостной. Сколько труда и мужества потребовалось нашим польским друзьям, чтобы за каких-то два с небольшим десятка лет построить заново миллионный город, сколько проявилось любви и бережного отношения к истории города, его

славному прошлому, чтобы восстановить не только отдельные исторические или архитектурно ценные здания, но и целые улицы, кварталы в том же виде, в каком они были до нашествия фашистской коричневой орды. Сохранить для поколений прелест гернической старины — в этом, пожалуй, особая, я бы сказал, национальная черта наших польских друзей.

И здесь, в Желязовой Воле, народ так же бережно сохранил все в том же виде, в каком было при Фридерике Шопене. Молча и тихонько, словно вступая в какой-то иной давно давно остановившийся мир, входим мы в приземистый дом. Небольшие светлые комнаты, по-крестьянски чисто выбеленные стены, вдоль потолка тянутся потемневшие матицы. В одной из комнат — черный рояль, рядом лежит гипсовый слепок с руки Шопена — тонкая нервная кисть, длинные и будто живые пальцы. Мы останавливаемся перед большими часами с длинным, до самого пола, маятником. Говорят, он так же медленно и беззвучно качался в те далекие минуты, когда послышался первый крик маленького Шопена.

И вот к полудню люди, бродившие в самых дальних углах парка, начали собираться на небольшой площадке перед окнами дома. Народу все прибывало, и каждый торопился примоститься на длинных крестьянских скамьях, достать какой-нибудь стульчик или, в худшем случае, пристроиться на полуразрушенной оградке, на ступеньках лестницы, ведущей в парк. Два широких окна были настежь открыты, на них

колыхались тюлевые занавеси. Они скрывали то, что было в комнате. Но мы знали, что там стоит тот самый рояль с гипсовой рукой композитора и что этот рояль должен вскоре засиграть.

Людской гомон постепенно стихал, и, наконец, воцарилась тишина.

И тогда послышались первые звуки музыки. Они были едва уловимы в шуме деревьев, и, как я ни готовился к началу концерта, он меня поразил. Мне показалось, что этот белый дом, эти стены, увитые плющом, которые до сих пор были просто мертвыми экспонатами, ожили. Из открытых окон, из-за занавесей лилась, нарастающая, музыка. Кто извлекал эти звуки из фортепиано, того не было видно. Не шопеновские ли руки касаются клавиш?

Поначалу музыка была робкой, словно пианист что-то нащупывал, искал, к чему-то прислушивался. Этюды, то легкие, игривые, то с грустинкой, сменяли друг друга. Но вот музыкант, будто очнувшись, заглянул что-то тревожное, беспокойное. Нет, это была уже не просто музыка, это звучала сама душа Шопена — ожившая, трепетная, тревожная. Даже плющ, окружавший окна, густой, кудрявый, заволновался и зашелестел своими длинными зелеными прядями.

Грустная мазурка сменялась спокойным вальсом, легким ноктюрном, за ним звучал торжественный, гордый полонез. И вот пришло самое неожиданное: возникла иллюзия, будто там, за окнами, играет сам Фридерик Шопен.

Все замерли. Девушка-индианка, опустившись прямо на

тропинку у ног седого старика, что-то беззвучно шептала. Каждый-то широкоплечий мужчина со шкиперской бородой неотрывно смотрел куда-то поверх голов, не обращая внимания на то, что у него по щекам катятся слезы. Рядом сидел юноша и, обхватив голову руками, медленно раскачивался в такт музыке. Две чопорные пожилые дамы застыли недвижно и, казалось, ушли в свой мир воспоминаний, переживаний. И, когда какой-то фотолюбитель вздунул в эту минуту сделать снимок, звук щелкнувшего затвора показался оглушительным, словно выстрел, так что некоторые вздрогнули и осуждающе посмотрели на фотографа.

Это был концерт необыкновенный. И тогда подумалось: пожалуй, среди всех бронзовых и гранитных ваяний лучшим памятником великому композитору всегда была и всегда будет святая сосредоточенность, с которой слушают его музыку в том месте, где он родился.

Сердце Шопена покоятся в варшавском соборе Святого Креста. Но мне показалось, что сейчас оно бьется здесь, в Желязовой Воле.

Б. МЕЧЕТНЫЙ.
Фото автора.